

Кротов Дмитрий Валерьевич

доктор социологических наук, профессор кафедры экономической теории Ростовского государственного экономического университета (РГЭУ РИНХ)
dsm2000@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
darya.maksimovich@gmail.com

Шилина Наталья Анатольевна

кандидат социологических наук, доцент кафедры рисунка Академии архитектуры и искусств Южного федерального университета;
rnd.natalia@mail.ru

Dmitry V. Krotov

Doctor of Social Sciences, Professor of chair Economic theory of the Rostov state economic university (RINH)
dsm2000@mail.ru

Sergey I.Samygin

Doctor of Sociology, Professor of department of judicial examination and criminalistics of the Rostov state economic university (RINH);
darya.maksimovich@gmail.com

Natalya A. Shilina

candidate of sociological sciences, associate professor of the drawing of Academy of architecture and arts of SFU
rnd.natalia@mail.ru

Субкультуры и культуры соучастия – сходство и различие

Subcultures and cultures of complicity - similarity and difference

Аннотация. В статье осуществляется сравнительный анализ феноменов субкультуры и культуры соучастия (*participatory culture*). Автор выявляет сходство и различия и приходит к выводу, что несмотря на многие сходные черты, культуры соучастия и субкультуры представляют собой разные феномены, обусловленные разными социокультурными факторами. Характерно, что понятие субкультуры на рубеже XIX – XX вв. утрачивает прежнюю значимость (что связано с изменением самого феномена), а исследования культур соучастия, напротив, динамично развиваются.

Ключевые слова: субкультура, культура соучастия; медиа, популярная культура; молодежь, интернет, потребительское общество; глобализация, творчество, идентичность.

Annotation. The article compares the phenomena of the subculture and participatory culture. The author reveals similarities and differences and comes to

the conclusion that, despite many similarities, cultures of co-existence and subculture are different phenomena caused by different socio-cultural factors. It is characteristic that the concept of subculture at the turn of the XIX - XX centuries loses its former importance (which is associated with a change in the phenomenon itself), and studies of participatory cultures, on the contrary, are dynamically developing.

Key words: *subculture, culture of complicity; media, popular culture; youth, the Internet, the consumer society; globalization, creativity, identity.*

Понятие субкультуры получило широкое распространение в социологии, особую популярность оно приобрело в 70-80- гг. XX века, хотя явления, обозначаемые этим понятием, существовали до этого периода и существуют сейчас. Однако, начиная с 90-х годов XX века, среди исследователей возникает интерес к практикам, которые, с одной стороны, обнаруживают явное сходство с субкультурами, с другой – отличаются от них. В данной статье мы рассмотрим такой феномен как «культура соучастия» (или «культуры соучастия») в его сходстве и различии с феноменом субкультуры (субкультур).

Несмотря на то, что общепринятого определения субкультуры не существовало, среди исследователей сложилось согласие по поводу базовых черт, характерных для этого явления. В то же время субкультуры менялись вместе с обществом, в которых возникали, что оказывало влияние на их теоретическую интерпретацию. Сущность субкультур определялась и определяется их отличием от культуры большинства (культурного мейнстрима) и от других субкультур. Нередко субкультуры находились во враждебных отношениях с другими субкультурами. Если же субкультура не просто отличалась, но явно противопоставляла себя большинству, то к ней применялся термин «контркультура».

Первоначально этим термином обозначали молодежное движение в конце 60-х в западных обществах, которое действительно противопоставляло себя культуре взрослых. В 70-е один из наиболее известных исследователей субкультуры Дик Хебдидж писал, что субкультуры самой своей специфичностью «подрывают» нормальность, поэтому могут преследоваться. Хебдидж полагал [3], что субкультуры представляют собой объединения единомышленников, отрицающих доминирующие культурные стандарты. Субкультуры дают возможность обрести идентичность тем, кто не согласен с ценностями и стилем жизни большинства. Однако степень «подрыва» может быть разной у различных субкультур. Некоторые субкультуры, напротив, демонстрировали подчеркнутую приверженность доминирующим ценностям – например, яппи. То есть факт отличия от мейнстрима для субкультур более важен, как нам кажется, чем собственно факт «подрыва» и «отрицания». Однако само отличие уже может быть воспринято как вызов, поэтому некое противоречие, более или менее ярко выраженное, с

доминирующей культурой все же следует рассматривать как важную черту субкультур.

«Девиантность» субкультур некоторое время рассматривалась как их важный определяющий признак. Такой подход был характерен, например, для представителей Чикагской школы. Позже распространился исследовательский подход к субкультурам как проявлениям классового неравенства. В этом контексте субкультуры предстали как своеобразное сопротивление существующему порядку. Такой подход был характерен для Бирмингемской школы культурных исследований. В условиях ослабления классовой идентичности в обществах потребления, субкультуры представляли как новая форма протестной коллективной идентичности.

Основатель структурного функционализма Т. Парсонс видел в субкультурах попытки молодежи утвердиться отдельно от доминирующей культуры взрослых, а предпосылкой этого социолог считал удлинение периода взросления, возникновение временного лага между физической и социальной зрелостью. Эти тенденции очень ярко проявляются в современной российской действительности, особенно в среде городской молодежи [1].

Таким образом, базовой чертой субкультур признавался протест, хотя причины этого протеста могли пониматься по-разному. В связи с этим можно вспомнить и молодежные субкультуры, возникшие в СССР. Они действительно представляли собой разные формы протеста молодежи против официальной культуры, официальной государственной молодежной политики, направленной на «воспитание молодежи». Они противостояли таким формальным объединениям, как ВЛКСМ, другие курируемые государством структуры, чьей функцией была работа с молодежью. Неслучайно молодежные субкультуры в СССР получили название «неформальных объединений» - определение, не очень понятное в рамках других обществ, где термин «неформальный» не имеет оттенка обязательного «противостояния» и «протеста».

Однако протестный подход к субкультурам не может быть универсальным, уже потому что многие современные субкультуры связаны с массовой культурой и определенными стилями потребления. Желание индивидов эпохи потребления «отличаться» и «быть особенными» используется производителями культурной продукции, как и производителями других товаров. В потребительских индивидуализированных обществах не только «особость», но даже протест может становиться товаром, а желающие заявить протест всего лишь образуют особую рыночную нишу.

Последний по времени подход к анализу субкультур рассматривает их сквозь призму проблемы различий. Этот подход, реализуется такими исследователями как Сара Торнтон, П. Ходкинсон и др. В рамках такого подхода субкультуры рассматриваются как группы, относительно гомогенные в стилистическом плане внутри и гетерогенные по отношению к

внешней среде. Однако эти группы имеют довольно гибкие и проницаемые границы, они могут допускать смешение стилей, не формируют устойчивых групповых идентичностей, что можно было наблюдать на примере более ранних субкультур. Для сегодняшних субкультур важнее вкусовые предпочтения, чем протест. Членство в таких субкультурах является довольно текучим. Сходные процессы отечественная исследовательница молодежных субкультур Е. Омельченко фиксировала и применительно к российским молодежным субкультурам: «Субкультурные теории подверглись серьезной критике, современные западные социологи говорят о «постсубкультурах», о «смерти субкультур», о рождении новых молодежных «племен», отличающихся текучестью, прозрачностью границ, временным и ненадежным характером соединений. В современной России, как и в любой западной, да и любой другой стране, включенной в глобальное пространство, с остатками «старых» мини-групп соседствуют имитаторы, примкнувшие, туристические экспонаты «а-ля субкультурщики», населившие пешеходные «Арбаты» столиц и больших городов. Стили смешались» [2].

Таким образом, мы видим, что понятие «субкультура» постепенно начинает утрачивать те значения, которые изначально с ним ассоциировались: однородность субкультурного стиля, устойчивая групповая идентичность, элемент протеста и противостояния мейнстриму. Все эти характеристики в субкультурах зрелого потребительского глобализированного обществе если не исчезают, то значительно смягчаются, теряют определенность. Хотя нельзя сказать, что феномен субкультуры исчезает совсем, но он существенно отличается от своего более раннего варианта. То же самое касается устойчивой ассоциации субкультуры с молодежью. Несмотря на то, что понятие субкультуры как некой совокупности поведенческих особенностей вполне может применяться (и применялось) не только к молодежи, но и к профессиональным сообществам, религиозным и сексуальным меньшинствам и другим группам, имеющим какие-то культурные отличия от большинства, понятие субкультуры все же, в первую очередь, соотносилось с определенными молодежными течениями. Но сегодня многие субкультуры, внешне похожие на молодежные - например, «ролевики», - объединяют людей разных возрастов. Субкультуры перестают быть исключительно молодежным феноменом. Таким образом, утрачивает силу объяснительная модель, исходящая из предположения об особом социальном положении молодежи в обществе, толкающим её к выражению культурного протеста.

С другой стороны, в обществах эпохи позднего капитализма возникают культурные практики, напоминающие субкультуры, но отличающиеся от них. С субкультурами их роднит общность интересов как объединяющий группу фактор и вовлеченность в некий специфический для группы вид деятельности. Но другие черты отличают этот феномен от субкультур. Речь идет о культурах соучастия.

Понятие «культура соучастия» («participatory culture») возникает в 90-е г. XX века. Важный вклад в осмысление и концептуализацию культур соучастия внесла работа исследователя медиа Генри Дженкинса [4]. Новое понятие применялось по отношению к сообществам «фанатов», творчески реагирующим на те или иные произведения массовой или популярной культуры и не ограничивающимся только лишь чтением, просматриванием, прослушиванием. Некоторые потребители трансформировали заинтересовавшее их произведение, образуя сообщество с теми, кто занимается тем же самым.

Таким образом, для культуры соучастия важны два элемента – трансформация, а не потребление, и объект трансформации, получаемый из популярной культуры. Для культур соучастия протест не играет никакой роли, точно так же для их членов неважно подчеркивать свое отличие от других, как-то выражать это отличие внешне. Системообразующим фактором для них является творческая деятельность и общение с единомышленниками.

Дженкинс изучал, в первую очередь, фанатов тех или иных произведений массовой культуры, которые не ограничивались только почитанием, но писали продолжения тех историй, истоком которых выступала массовая культура, либо как-то иначе соотносили свою деятельность с любимыми произведениями. При этом Дженкинс отмечал стигматизацию и насмешки, которым подвергались «фанаты и поклонники» со стороны не только обычных людей, но даже и со стороны объектов их поклонения. То, чем они занимались, воспринималось как эскапизм, уход от реальности, бегство от «своей жизни». В настоящий момент такое отношение, по крайней мере, среди исследователей этого феномена, практически полностью исчезло. Точно так же и сами создатели массовой культуры относятся к фанатским сообществам весьма уважительно. Однако некоторый снобизм по отношению к культурам соучастия со стороны носителей более высокой культуры (людей, считающих себя таковыми) сохраняется.

Понятие культуры соучастия сформировалось не в противостоянии с понятием субкультуры, но в полемике с пониманием современного потребления продукции культурной индустрии. Это потребление не является пассивным – оно дает толчок своеобразному культурному творчеству.

Феномен, обозначаемый термином «культура соучастия», не является абсолютно новым. Еще в 19 веке люди объединялись, чтобы выпускать рукописные журналы, обсуждать литературные произведения, однако развитие массовой культуры и современные средства коммуникации предоставили для этого гораздо больше возможностей. Книга Дженкинса вышла в начале 90-х годов, когда еще не было Интернета, который вывел описанный Дженкинсом феномен на новый уровень. Сегодня культуры соучастия развиваются очень динамично именно благодаря техническим возможностям, которые предоставляет Интернет.

Рассмотрим некоторые черты культур соучастия.

Во-первых, они связаны с массовой культурой и медиа. Именно они поставляют исходный материал для последующей переработки и трансформации. Этим они, в частности, отличаются от молодежных субкультур в «классическом» виде, хотя некоторые поздние субкультуры тоже могут ориентироваться на массовую культуру – те же «готы», например.

Для культур соучастия не важны «территории», которые имели большое значение для молодежных субкультур, «тусовавшихся» в определенных местах и в некоторых случаях «охранявших» ту или иную территорию от вторжений «чужих» (пример криминальных молодежных субкультур, вроде исчезнувших отечественных «люберов»). Среда обитания культур соучастия – медиа, в настоящее время – Интернет. Хотя сам по себе Интернет – только средство для их существования, и само по себе использование Интернета для поиска информации или развлечений еще не делает пользователя принадлежащим к какой-либо культуре соучастия.

Во-вторых, переосмысление и творческое развитие исходного контента. Представители культур соучастия создают новую культурную продукцию, тематически связанную с определенным сюжетом. Они пишут продолжения любимых книг и фильмов, изобретают биографические подробности жизни героев, рисуют картины на соответствующие темы, создают видеопродукцию, используя имеющиеся в Интернете программные средства. Подобная культурная продукция отнюдь не является абсолютно примитивной – часто её создание требует глубокого погружения в материал – не только самого произведения, но и, например, эпохи, которая отражена в произведении, ее культуры. Во многих случаях такая деятельность приобретает исследовательский характер.

В-третьих, любительское производство. Творческая деятельность в рамках культур соучастия принципиально не предполагает коммерциализации. Даже если создателем контента становится профессиональный автор или художник, созданное им не становится объектом коммерческого использования. Статус «любителей» не является для участников чем-то, требующим преодоления – как для начинающих авторов, ориентирующихся на рынок. Что не исключает в отдельных случаях продажи какого-то продукта, но это является исключением, а не нормой и обусловлено тем, что создатели – свободные люди и могут распоряжаться своей продукцией как угодно. В целом же коммерциализация деятельности выступает как отступление от принципов сообщества, существующего для удовольствия и самовыражения.

В-четвертых, независимость от существующих профессиональных иерархий официальных представителей современной «культурной индустрии». В рамках культур соучастия формируются собственные иерархии, основанные только на достижениях участников.

В-пятых, коллективный характер деятельности. Вся творческая продукция в рамках культур соучастия выносится на обсуждение единомышленников, которые выступают в роли аудитории – читателей, зрителей, а также активных критиков, чье мнение очень важно. Сообщество вырабатывает собственные критерии оценки творческой деятельности. То или иное произведение может быть отвергнуто из-за несоответствия характерам обыгрываемых персонажей, духу произведения, историческим и культурным деталям и т.д. Обсуждение сообществом является неотъемлемой частью творческого процесса в рамках культур соучастия.

В-шестых, эмоциональная вовлеченность в совместную творческую деятельность, общение и обсуждение. Для участников таких сообществ их деятельность имеет очень большое значение, становится важнейшим элементом жизни. Эту деятельность сложно называть эскапизмом, поскольку реальная жизнь не противопоставляется общению в рамках такого творческого сообщества. Наоборот, можно сказать, что это важная часть вполне реальной жизни, никак ей не противостоящая.

Согласно исследованию Pew Internet & American Life project [5], около половины американских подростков вовлечены в создание медиа-контента разного типа. Не все они вовлечены в культуры соучастия, но как утверждает Г. Дженкинс и ряд других авторов, весьма значительная их часть. С точки зрения американских исследователей [5], культуры соучастия характеризуются: относительно низким барьером для вступления, то есть культуры соучастия являются открытыми для всех заинтересованных лиц; поддержкой индивидуального творчества со стороны сообщества; практиками мягкого наставничества более опытных членов сообщества по отношению к новичкам (поскольку в рамках сообществ существуют определенные методы работы с контентом, выше мы уже об этом говорили); участники сообществ считают, что их деятельность имеет серьезное значение; ощущением взаимной поддержки и заинтересованности, выражающимся во внимании к создаваемой культурной продукции и высказываемым мнениям.

Формы участия в подобных сообществах включают: членство в сетевых сообществах; производство новых культурных форм; совместное решение тех или иных проблем, создание нового знания (ярким примером является Википедия и множество подобных проектов); формирование «медийных потоков» (ведение подкастов, блогов, организацию форумов, создание сайтов и т.д.)

Интересно отметить, что, по мнению исследователей, культуры соучастия не являются только лишь развлечением, но связаны с некоторыми навыками, которые являются необходимыми в современном информационном обществе. К таким навыкам относятся: способность взаимодействовать с окружением для решения тех или иных проблем; способность создавать и интерпретировать модели реальных процессов; способность творчески работать с имеющейся информацией;

многозадачность; способность оценивать и анализировать информацию и целый ряд других полезных навыков, для формирования которых необходимо задействовать ресурсы системы образования.

Так создатели и участники новых неформальных практик оказываются способными влиять на выработку стратегий развития образования, что также отличает культуры соучастия от «традиционных» молодежных субкультур, имеющих значение лишь как форма самовыражения отдельных групп и исчезающих вместе с естественными процессами смены поколений и интересов.

Литература

1. Верещагина А.В., Бандурин А.П., Самыгин С.И. *Незащищенное детство в социальном государстве: парадоксы российской действительности и угрозы социальной безопасности* // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 3. С. 20-23.

2. Омельченко Е. *Субкультуры и культурные стратегии на молодежной сцене конца XX века: кто кого?* // Неприкосновенный запас, 2004 (3) - <http://magazines.russ.ru/nz/2004/4/om8.html>

3. Hebdige D. *Subculture: The Meaning of Style*. Routledge, 1979. P.68

4. Jenkins H. *Textual poachers: television fans and participatory culture* Routledge, Chapman and Hall, Inc., 1992

5. Jenkins H., Puroshotma R., Clinton K., Weigel M., Robison A. *Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century* - . MacArthur Foundation. Chicago. 2005

Literature

1. Vereshchagina A.V., Bandurin A.P., Samygin S.I. *Unprotected childhood in a social state: paradoxes of Russian reality and threats to social security* // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2016. № 3. P. 20-23.

2. Omelchenko E. *Subcultures and cultural strategies in the youth scene of the late twentieth century: who is whom?* / / Involuntary reserve, 2004 (3) - <http://magazines.russ.ru/nz/2004/4/om8.html>

3. Hebdige D. *Subculture: The Meaning of Style*. Routledge, 1979. P.68

4. Jenkins H. *Textual poachers: television fans and participatory culture* Routledge, Chapman and Hall, Inc., 1992

5. Jenkins H., Puroshotma R., Clinton K., Weigel M., Robison A. *Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century*. MacArthur Foundation. Chicago. 2005